

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ БУРЯТИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (В КОНТЕКСТЕ «ПОЛОЖЕНИЯ О БУДДИЙСКОМ ДУХОВЕНСТВЕ СССР» 1946 Г.)¹

Статья затрагивает проблемы восстановления буддийских монастырей Бурятии на основе регламентируемых собственных документов в контексте социальных, политических и экономических реалий, существующих в послевоенный период. Представители буддийского духовенства Бурятии продолжали считать, что буддийская теория и практика находится в тесной связи с этнокультурными традициями бурятского этноса, имеющего общие историко-генетические корни не только с метаэтнической монгольской общностью (Хамаг Монгол), но и с сопредельными этносами-адептами буддийской культуры на протяжении многих веков. Историческое значение «Положения о буддийском духовенстве в СССР» состоит в том, что оно является ярко выраженным социокультурным феноменом адаптации ценностных императивов традиционной буддийской Сангхи России того периода к резко изменившимся социальным, политическим и экономическим условиям, в которых буддийская Сангха оказалась.

Ключевые слова: буддизм; монастыри; духовенство; регламентация; социальные изменения; адаптация.

Abaeva Liubov Lubsanovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

RESTORATION OF BUDDHIST MONASTERIES OF BURYATIA DURING THE POST-WAR PERIOD (IN THE CONTEXT OF "THE PROVISION ON BUDDHIST CLERGY OF THE USSR" OF 1946)

Article touches on issues of restoration of Buddhist monasteries of Buryatia on the basis of the regulated own documents in the context of the social, political and economic realities existing in post-war the period. Representatives of Buddhist clergy of Buryatia continued to consider that the Buddhist theory and practice is in close connection with ethnocultural traditions of the Buryat ethnos having the general historical and genetic roots not only with metaethnic Mongolian community (Khamag Mongol), but also with adjacent ethnoses adherents of Buddhist culture throughout many centuries. The historical value "Regulations on Buddhist Clergy in USSR" consists in what is a pronounced sociocultural phenomenon of adaptation and modernization of valuable imperatives of traditional Buddhist Sangkha of Russia of that period to sharply changed social, political and economic conditions in which Buddhist Sangkha appeared to be.

Keywords: Buddhism; monasteries; clergy; regulation; social changes; adaptation.

В 40–50-х гг. прошлого столетия начинается новый этап в истории буддизма в Бурят-Монголии, поскольку именно в эти годы в среде оставшегося после репрессий представителей буддийского духовенства окончательно оформляется движение за восстановление своей монастырской организации на основе лояльности государству и социалистическому строю. Лояльность эта фиксировалась всеми доступными органами, «надзирающими» за религиозными организациями всего государства, в том числе и специальными органами – Совета по делам религиозных культов при республике Бурят-Монголия, а также Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Как уже отмечалось во многих наших публикациях, выжившие после репрессий (многолетних отсидок в тюрьмах и тяжелой десяти-пятнадцатилетней работы на лесоповалах) представители обновленческого движения продолжали считать, что буддийская теория и практика находится в тесной связи с этнокультурными традициями бурятского этноса, имеющего общие историко-генетические корни не только с метаэтнической монгольской общностью (Хамаг Монгол), но и с сопредельными этносами-адептами буддийской культуры на протяжении многих веков. Важно также отметить, что потребовался определенный исторический период, чтобы буддийское духовенство Бурятии окончательно признало те огромные социальные изменения, которые произошли на этой территории. Столь радикальная переориентация, главным образом, была обусловлена изменившимся миро-

воззрением мирян-адептов буддизма в годы Великой Отечественной войны. Любая другая социокультурная ориентация уже не получила бы поддержки со стороны мирян.

Будучи достаточно развитыми социальными институтами в дореволюционной Бурятии, буддийские монастыри играли огромную роль в жизни бурятского народа, являясь своеобразным регулятором его политической, социальной и культурной жизни. Такие составные части духовной культуры бурятского этноса, как литература и искусство, нормы поведения, привычки и традиции, в какой-то степени несли на себе печать религиозных знаний и практик. Поэтому неудивительно, что даже в повседневном народном сознании, представлениях и мировосприятии буддизм ассоциировался с их этнической принадлежностью и конфессиональной компетентностью. Буддийские монастыри исторически были органичным компонентом жизнедеятельности бурят. Являясь практически центром всей социальной и культурной жизни бурят, исполняя интегративные и коммуникативные функции, монастыри представляли собой символ единства всех бурят, носителями их идентичности и маркерами этнической культуры. На сохранение представлений о тождестве этнического и религиозного, несомненно, оказал влияние и тот факт, что буряты, как и многие другие народы, вошедшие в состав СССР, из патриархального традиционного социума оказались практически в других социополитических условиях. Вековая традиция передачи религиозных знаний

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Международного конкурса РГНФ и Министерства образования, культуры и науки Монголии (МинОКН) № 17-21-03004 «Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии».

и практик, как и проявление этнической идентичности в религиозных формах, обусловили сложный процесс дифференциации этнического поведения от религиозных практик, так и не усвоив в этом контексте элементы секуляризации. Известно, что, благодаря специфике религиозно-философского учения буддизма и его многочисленных практик, это учение и практики глубже всего проникли в сферу семейно-бытовых и элементарных норм и отношений бурят. Более того, те шаманские и шаманистические традиции, инкорпорированные буддизмом и которые на протяжении некоторого периода продолжали отправляться некоторыми родами бурят, по истечении времени достигли органической связи с природным циклом существования кочевого народа, тесно переплетаясь со всеми сторонами старого традиционного общественного и бытового уклада. Поэтому процесс отделения этнического от религиозного в тот период представляется нам достаточно сложным и неединовременным процессом, требующим не только политического такта, но и глубоких знаний этнокультурных традиций и социальных стратегий бурят, а также их этнопсихологических особенностей. Окончательная позиция буддийского духовенства по отношению к новому социальному статусу оформилась лишь в послевоенные годы, хотя попытки обновленческих реформ предпринимались задолго до этого. Их вовлеченность в социально-политическую сферу республики фиксируется в конкретных фактах: летом 1944 г. представители оставшегося буддийского духовенства во главе с Дид-хамболамой, заместителем председателя Центрального Духовного Совета буддистов Восточной Сибири, избранного на обновленческом съезде в 1925 г., ламой-габжой Агинского дацана Х. Галсановым выпустили патриотическое воззвание к буддистам на бурятском языке с призывом о помощи Советской Родине и Красной Армии. Всего за годы войны от буддийских монахов поступило пожертвований на сумму 0,5 млн рублей. Ламы Х. Галсанов Ч. Тасорунов на личные взносы в Фонд обороны дважды получили благодарственные телеграммы от И. В. Сталина [Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 105].

В 1946 г. по инициативе группы мирян-буддистов и группы буддийских монахов, которые возглавили члены бывшего Центрального Духовного Совета буддистов Восточной Сибири Х. Галсанов и Л.-Н. Дармаев (бывший лама габжа Сартул-Булакского дацана, кандидат в члены ЦДС), было создано совещание буддийских деятелей, на котором был обсужден и принят документ, именуемый в документах Сангхи как «Положение о буддийском духовенстве СССР». «Положение о буддийском духовенстве в СССР», принятое на совещании буддийских деятелей тогда еще Бурят-Монгольской АССР, Иркутской и Читинской областей в 1946 г., на наш взгляд, является очень важным источником и документом, подтверждающим высокий адаптационный потенциал буддийской Сангхи в СССР в послевоенный период. Кроме того, совещание 1946 г. ознаменовало собой завершение длительного, сложного и противоречивого процесса модернизации традиционной структуры буддийской церковной организации, начавшегося еще в начале XX в. и связанного первоначально с национально-освободительным движением бурятского этноса как внутри системы царского самодержавия, так и репрессивного режима Советов.

Историческое значение «Положения о буддийском духовенстве в СССР» состоит в том, что оно является ярко выраженным социокультурным феноменом адап-

тации ценностных императивов Традиционной буддийской Сангхи России того периода к резко изменившимся социальным, политическим и экономическим условиям, в которых буддийская Сангха оказалась. «Положение 1946 г.» состоит из 8 разделов, содержащих 29 статей. Текст оригинала написан на старомонгольском языке. В статьях «Положения» определяются правовой и имущественный статус буддийского духовенства, регламентируются его быт и нормы поведения, фиксируются принципы соотношения и взаимоотношений с государственными структурами, кодифицируется внутрицерковная иерархия, обозначаются изменения в обрядности, оставляя неизменным Учение Будды. Традиционный Институт перерожденцев (хубилганов) упраздняется [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 38]. Вторым важным принципом, сформулированным в «Положении» 1946 г., явился принцип, ограничивающий деятельность буддийского духовенства и монастырей сугубо культовыми и вероисповедными делами [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 35–37]. Естественно, этот принцип вытекал из законодательных инициатив Советского правительства об отделении церкви от государства. Открывая совещание, Л.-Н. Дармаев, который и составил проект «Положения», заявил, что «благочестивые ламы собрались с целью заложения прочной основы для дальнейшего расцвета буддийского духовенства» [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 89]. Верховным органом по «Положению 1946 года» стало Центральное Духовное управление буддистов СССР (ЦДУБ), избираемое согласно статье 7 второго раздела положения «О руководящих органах буддийского духовенства» съездом буддистов в составе 5 членов и 2 кандидатов во главе с председателем – Пандидо-хамбо-ламой и его заместителем.

На первом послевоенном съезде 1946 г. председателем ЦДУБ был избран Л.-Н. Дармаев, а его резиденцией стало Хамбинское сумэ (ныне Иволгинский дацан). Центральное духовное управление буддистов вскоре было зарегистрировано в Совете по делам религии при Совете Министров СССР, т.е. получило официальное оформление со стороны советской власти. Восстановление организационного статуса буддийских монастырей на учредительном совещании сопровождалось также внесением некоторых новшеств в свою организационную структуру, которые не предусматривались даже постановлениями обновленческих съездов довоенного периода. Так, например, по новому положению ширетуи (настоятели храмов) не выбираются, а назначаются Центральным духовным управлением по рекомендации Хамбо-ламы (ст. II) [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 33]. Также зафиксировано, что монахи должны проживать за общей монастырской стеной без обособленных усадеб, а дома, в которых они проживают, считаются собственностью монастыря. Храмовые и личные расходы сдаются казначею и по распоряжению Хамбо-ламы расходуются по определенному штатному расписанию. Хозяйство монастырей должно находиться в ведении джасы (казначейства), в которое входят бухгалтер и заведующий хозяйственной частью. Единственным источником доходов монастырей предусмотрено добровольное пожертвование мирян [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 35]. Изменились и правила приема в организационную структуру Сангхи. Во-первых, в соответствии с советскими законодательными актами о религиозных культурах, в Сангху можно «вступить» по ходатайству религиозной общины мирян, выбирающей кандидата для исполнения их религиозных треб и отправлений. Во-вторых, ими могут стать лица, призванные ЦДУБ

«способными выполнять правила Винаи, строго соблюдать принятые монашеские обеты» [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 35]. Наряду с запретами классического канонического характера, согласно «Положению 1946 года», ламам было запрещено всевозможное лечение и врачевание в контексте тибетской, монгольской и бурятской медицины, практика которых исторически имела большую роль в деятельности буддийского духовенства [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 37]. Также запрещалась любая практика «незарегистрированных» буддийских священнослужителей, лечебная деятельность «лама-самозванцев». Соответственно требованиям времени и идеям социалистического реализма был решен также и вопрос о перерожденцах (хубилганах). С нашей точки зрения, принципиально важными в «Положении 1946 года» являются статьи, в которых говорится о перерожденцах и возрастном статусе монахов. В статьях 3 и 5 положения идет речь о практике поиска перерожденцев и возрасте поступления в буддийские монастыри. Известно, что в прошлом почти каждая бурятская семья отдавала одного, а то и двух сыновей в буддийский монастырь на обучение с возраста 5–7 лет. «Положение 1946 года», в соответствии с существующим законодательством, анонсирует о принятии в хувараки (ученики) лиц, достигших 16-летнего возраста. Как пишет К. М. Герасимова, «этот вопрос обсуждался еще на обновленческом съезде в 1922 г. – «запретить посвящение в хувараки лиц, не достигших 16 лет», но обновленческие требования о введении возрастного ценза в то время не были поддержаны [Герасимова, 1964, с. 71].

Решение о запрете культа хубилганов было принято еще в 1922 г. по требованию лидеров обновленческого движения, но из-за противодействия консервативной части буддийского духовенства оно так и не было претворено в жизнь, хотя архивные материалы фиксируют неоднократные попытки восстановления традиционного культа перерожденцев в его классической форме. О том, что культ перерожденцев все еще бытовал на локаль-

ном и мирском уровнях свидетельствует тот факт, что во время Великой Отечественной войны ламы Еравнинского аймака провозгласили 13-летнего мальчика Пурбо, сына колхозника Эгитуйского сомона, реэмигранта Ц. Гармаева хубилганом-перерожденцем «Хухэн хутухты». Примечательно то, что «Хухэн хутухта», ушедший в иной мир в 1869 г., по мнению халха-монголов, до этого времени не возрождался. Однако существовала версия-легенда, что он возродится в другой стране, где будет проповедовать Учение [Позднеев, 1880, с. 21]. Миряне вскоре распространили версию, что Пурбо еще в младенчестве был признан хубилганом в Монголии и обладал необходимыми знаниями [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 68. Л. 3]. Проблема института перерожденцев все еще сохраняла свою актуальность в традиционном представлении бурят-мирян и буддийского духовенства, однако совещание буддийского духовенства и мирян 1946 года упраздняет это феноменальное явление в истории буддизма монгольских народов, обозначив, что: «всякое присвоение себе званий гэгэнов и хутухт, хубилганов, чойженчи и пр. имеют в своей основе злостные цели и поэтому несовместимы с учением буддийской религии» [ГАРБ. Ф. 248. Оп. 4. Д. 71. Л. 38]. Эти статьи (ст. 3 и 5) практически трансформируют не только классические формы буддийских организаций Бурятии, но и в целом затрагивают основы буддийской практики и свидетельствуют о существенной перестройке иерархической структуры буддийского духовенства.

В заключение хотелось бы отметить, что традиционная буддийская Сангха Бурятии (позже – России) прошла очень сложный и достаточно тяжелый путь адаптации к соционормативным условиям в пространственно-временном континууме своего автокефального пребывания, трансформируя и модернизируя свою организационную структуру, но сохранив буддийскую культуру не только на своей традиционной территории, но и распространив ее по многим регионам Российской Федерации, в том числе и за рубежом.

Литература

- Абаева Л. Л., Жуковская Н. Л. Традиция и модернизация в истории ламаизма // Религии мира. История и современность. Ежегодник, 1983. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 129–144.
- Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX вв. Улан-Удэ, 1957. 160 с.
- Герасимова К. М. Обновленческое движение ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1964. 179 с.
- Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк из прошлого и современного быта. СПб., 1880. 84 с.